

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

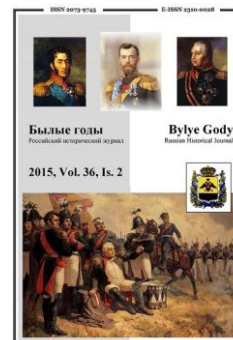
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 289-295, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 74.03

The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus

Hope O. Bleich

North Ossetian State University of name K.L. Khetagurova, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract

Based on new archive and documentary materials, the article investigates the role of Russian and mountaineer enlighteners in the development of the writing culture of the North Caucasus. The author talks about the way Russian scholars would study, during the course of their fecund historical/linguistic activity in the Caucasus, the multiple languages and dialects of the mountaineers and, based on Russian graphics, create alphabets for the mountaineer peoples. The author goes on to prove that the above facilitated education among the Caucasians and, as a consequence, the emergence of a pleiad of mountaineer thinkers, who would embark on a path of enlightening their people.

Keywords: mountaineer peoples, North Caucasus Krai, enlighteners, breakthrough science, Russian scientists, writing.

Введение

Как известно из архивных и документальных источников, все этносы, проживающие на Северном Кавказе, до воссоединения с Российской империей (середина XIX в.) не имели своей письменности. Они пользовались для внешних контактов с остальными народами другими письменными знаками. Так, национальности адыгской группы с XVI века в дипломатии использовали арабскую письменность (через местных и приезжих переводчиков), чеченцы и ингуши пользовались турецким алфавитом, а осетины – грузинским. Также во всем Северокавказском регионе широко была распространена персидская письменная культура. Эта чуждая кавказскому духу письменность была весьма неудобной в применении, к тому же прививалась искусственно, и потому у горцев назрела насущная необходимость в создании своего письма.

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали материалы, извлеченные из архивных фондов Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А (НА СОИГСИ); Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД); Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР); из работ известных российских ученых, публицистов и просветителей второй половины XVIII – начала XX вв. (П. Буткова, Ю. Клапрота, В. Миллера, А. Шегрена, П. Услара и др.); публикации кавказских мыслителей (К. Атажукина, Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея и др.).

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, статистического, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, историко-сравнительный метод позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности протекания региональных процессов в социокультурной сфере. Метод структурного анализа был необходим ввиду того, что изучать сложные структуры, не расчлняя их на отдельные

составляющие элементы, невозможно. Поэтому он также широко использовался в работе. Динамика процессов в сфере образования изучалась при помощи *статистического метода* исследования. Этот метод помогал выявлять основные тенденции культурно-исторического развития Северного Кавказа в исследуемый период. *Абстрактно-логический метод* дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

Обсуждение

Раньше всех приступили к созданию своего письменного языка осетины. Об этом свидетельствуют многочисленные источники иностранных купцов, миссионеров, путешественников (Андроник, Г. Рубрук и др.), побывавших в кавказских горах [1]. На основании этих и других документов, Г.Ф. Турчанинов делает вывод, что «осетины дали своим письмом толчок к этому виду культуры» (имеется в виду письменность – Н.Б.) – ряду народов Восточной Европы и Северного Кавказа» [2].

Данный исторический факт подтверждает проявление в Осетии надписи, начертанной грузинскими буквами на стене Нузальской часовни, относящейся к XIII столетию. Значение этой надписи или «Слова о девяти братьях» трудно переоценить. Она является историческим документом, повествующим со всей эпической торжественностью и лирической тональностью осетинских причитаний и песен о героических поступках девяти братьев. «Слово о девяти братьях» насквозь пронизано гордостью за героическое прошлое Осетии и скорбью за гибель лучших её сынов. Известный осетиновед З.М. Салагаева делает вывод, что именно от Нузальской надписи берет начало осетинский историко-литературный процесс, в частности, его историко-героическая линия. Нузальская надпись «даёт основание отнести начало осетинской художественной литературы не к XIX веку, как это сейчас принято, а к середине XVII в.» [3].

В это же время предпринимались попытки создать свой письменный язык и в Дагестане: серединой XVII века датируется первый документ, дошедший до нас – «Свод заповедных законов Кайтага Дарго», написанный на даргинском диалекте; примерно к этому же времени относится и сохранившаяся по сей день в Кумухе эпитафия на лакском языке. В конце XVII столетия появляются знаменитые рукописи муфтия Дамадана Мугинского и «Дербент-наме» на лакском языке [4].

Также делались попытки создания письменности и на аварском языке Т. Омаровым и Дибиркади из Хунзаха. Причём последний изобрёл алфавит из 38 букв и перевел арабский трактат «Калила и Димна». Благодаря этим предпринятым попыткам в Дагестане к началу XVIII века была окончательно завершена аджамская система письма, основанная на арабской графике.

Первые дагестанские ученые на основании составленных алфавитов стали создавать весьма самобытные по оригинальности произведения в области истории, этнографии и просвещения своих этносов. К ним относятся «Тамарин фи-р-риядийат» (упражнения по математике) и «Дамадан» (учебник по медицине) и др. В итоге к началу XIX столетия дагестанское духовное наследие вошло в сокровищницу арабской культуры. «Дагестанцы», - отмечает проф. Игорь Крачковский, - и за пределами своей родины, всюду, куда их закидывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира в целом» [5].

К концу XVIII столетия создается подобная письменность на арабской графической основе и в Кабарде. Свидетельством тому является надпись, сделанная арабским шрифтом на верхнебалкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Она повествует о праве черкесского князя Измаила Урусбиева на своё феодальное владение [6].

Однако следует сказать, что некоторые ученые-историки и сегодня не видят прогрессивной роли арабского языка той поры в истории письменной культуры мусульманских народов. В тех условиях он играл позитивную объединяющую роль в приобщении горцев к мировой культуре. «Арабский язык и документы арабской письменности, - отмечает арабист А.Н. Генко, - могли стимулировать организацию их (кавказских народов – Н.Б.) сопротивления, играя роль междуплеменного и международного орудия взаимообогащения» [7]. «Дагестанские и кабардинские ученые той поры, - пишет другой востоковед И. Крачковский, - владели уже всей полнотой общеарабского наследия своих веков. В равной степени их интересовали и науки грамматические, и трактаты по математике, и по астрономии» [8].

Но было бы несправедливо думать, что горские народы только культивировали культуру арабоязычных народов. Как справедливо отмечает ориенталист И. Крачковский, арабская культура, бытовавшая на Северном Кавказе «культивировалась уже местными силами и развивала даже самостоятельные черты. Горцы создавали оригинальные произведения, органически связанные с краем, вносили свою специфику в арабо-язычную культуру» [9].

После добровольного вхождения всего Северного Кавказа в Российскую империю происходят прогрессивные в своей основе изменения в экономике и культуре. Появляются первые очаги просвещения, которые испытывают настоятельную потребность в создании учебников на основе своей письменности, составленной уже на русской графической основе, ибо русский язык являлся именно тем цементом, который наиболее полно объединил бы все нации Северного Кавказа в единую семью российских народов.

Наиболее раннее применение русской графики мы наблюдаем у осетин. Это было связано с тем, что первыми сеятелями книжных знаний среди них были русские священники, бежавшие из плена еще во времена русско-крымских походов и грузинские миссионеры, проповедовавшие христианство в Осетии и потому самые первые осетинские печатные издания являлись переводами грузинских православных книг. Так, исследователь М. Джанашвили в своей монографии «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России» отмечает, что «только в царствование грузинского царя Ираклия (1744–1798 гг.) стали появляться церковные книги, написанные на осетинском языке грузинским алфавитом с добавлением лишь нескольких букв, свойственных осетинскому наречию» [10]. Одной из таких книг стала «История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов». Она явилась первенцем осетинской печати с использованием грузинских иероглифов. Затем стали появляться и другие богослужебные книги на осетино-грузинском языке.

Тут вполне уместен вопрос: почему же первые книжные издания печатались грузинским, а не славянским шрифтом, если известно, что российское правительство являлось ярким вдохновителем миссионерства на Кавказе. Нам думается, что этому факту имелось несколько причин: а) славянские начертания букв горцам были еще не известны, а грузинский алфавит использовался еще с XVI века; б) территориально просвещенная Грузия была рядом, а социально-экономические связи с Россией только налаживались; в) издание книг на основе славянского алфавита было политически нецелесообразно для России той поры и только после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) русское правительство начало постепенную замену грузинских священнослужителей на русских. Поэтому только к концу XVIII в. создались предпосылки для появления первого осетинского печатного издания на основе славянской графики. Называлось оно «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания». Примечательно, что отпечатана она была уже в Московской Синодальной типографии в мае 1798 года осетинским священником Гаем (Гайозом) Такаовым (1748–1821 гг.).

Появление данной книги стало большим событием в культурной истории осетинского этноса. Профессор М.С. Тотоев так определил значение этого издания, первенца осетинской книжной литературы: «...оно положило начало развитию осетинской письменности» [11]. Интересна история этой книги. Долгое время она считалась утерянной и только в 1920-х гг. обнаружилась в архиве Моздокской церкви.

Большой вклад в развитие осетинской письменности внёс преподаватель Тифлисской духовной семинарии Иван Ялгузидзе (1770–1830 гг.). Он в 1820 году на основе грузинского алфавита доработал осетинскую азбуку и на основе этого составил первый осетинский букварь, который был издан в Тифлисе в 1821 году. По нему причетники стали обучать осетинских детей грамоте в православных церквях и монастырях на понятном им материнском языке. Профессор М.С. Тотоев, анализируя просветительскую деятельность И. Ялгузидзе, писал: «Оригинальные и некоторые переводные книги Ялгузидзе объективно не лишены известной культурно-исторической ценности, ибо они способствовали с одной стороны, дальнейшему росту осетинской письменной культуры, увеличивали фонд печатной осетинской книжной литературы, и с другой стороны, дальше развивали грамотность в Осетии. Эти книги были известны в Северной Осетии еще и во второй половине XIX века» [12].

Большой вклад в дальнейшее развитие осетинской письменности внёс российский академик Андрей Михайлович Шегрен (1794–1855 гг.). Когда весной 1836 года он прибыл во Владикавказ, то сразу приступил к изучению осетинского языка. Большую помощь ученому оказали прапорщик Петр Жускаев и тогдашний протоиерей Шюо Двалишвили.

Передовой представитель русской науки мечтал, чтобы его труд принёс пользу учителям вновь созданных в крае учебных заведений, в которых «осетинский язык сделался бы особенным предметом изучения» [13]. Для этого учёный приступил к составлению «Осетинской грамматики с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским», увидевшей свет в 1844 году.

В предисловии к своей «Грамматике» автор писал: «Соображая как будущую самих осетин, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму..., я решил в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит» [14].

Составленные А. Шегреном алфавит и грамматика оставили огромный след в развитии письменности осетинского народа. Его вклад высоко оценил академик Вс. Миллер, считая грамматику А. Шегрена «отличной для своего времени подробной грамматикой». Большое значение грамматики академика В. Шегрена для культуры Осетии подчеркнул поэт и публицист Г. Цаголов. Он писал, что по справедливости В. Шегрен «должен считаться отцом современного осетинского алфавита» [15]. Этим алфавитом пользовался народный поэт К.Л. Хетагуров, значительно усовершенствовал его.

Алфавит А. Шегрена стал превосходным оружием распространения грамотности и культуры в среде осетинского народа. Академик В.И. Абаев констатировал, что «создание алфавита и грамматики дало мощный толчок культурному развитию в Осетии, оно разбудило дремавшие силы одаренного народа» [16]. Грамматика А. Шегрена положила начало научному изучению осетинского языка.

Следующим исследователем осетинского языка, издателем и переводчиком книг был арх. Иосиф Чепиговский (украинец по национальности). После того, как в 1857 году его назначили

управлять осетинскими приходами и учебным ведомством, Иосиф развернул научно-просветительскую деятельность: стремился обратить народ Осетии в православную веру при помощи просвещения и обучения детей на родном языке.

Для этого он несколько упростил шегреновский алфавит и в 1861 году представил новый осетинский букварь, который выдержал 5 изданий, а затем был заменен значительно улучшенным учебным пособием осетинского просветителя А. Канукова.

Иосиф также занимался составлением первого русско-осетинского словаря, который увидел свет в 1880-е годы.

Для более успешного распространения грамотности он предложил «приобрести из типографии императорской Академии наук осетинской литературы и формы для отлития литер осетинского алфавита, составить комитет для рецензирования сочинения и переводов на осетинском языке из следующих лиц: А. Колиева, М. Сухиева, А. Аладжикова, С. Жускаева, Е. Караева, Г. Кантемирова, «...дабы каждое сочинение или перевод в моём присутствии не менее как тремя из них, а по возможности и всеми вместе, чтобы переводы были точны и безошибочны» [17].

Всего И. Чепиговским было издано 15 книг церковного и учебного характера. Таким образом, в историю развития северокавказского образования Иосиф Чепиговский вошел как неустанный радетель за распространение просвещения среди горцев, за развитие осетинской письменной культуры.

В этот же период проходило интенсивное развитие письменности и у других северокавказских народностей.

Первым, составившим адыгский (черкесский) алфавит (1821 г.), был Эфенди Магомет Шапсугов, шапсуг по национальности. Однако, по сведениям адыгского просветителя С. Хан-Гирея, «из-за противодействия мусульманского духовенства, азбука эта не получила применения» [18].

Сам С. Хан-Гирей предпринял попытку составить черкесский алфавит, с помощью которого он записывал кабардино-черкесский народный фольклор. Будучи убежденным сторонником того, что без введения письменности на материнском языке «кабардинцы никогда не достигнут благодетельной степени», просветитель обратился к помощи российского правительства в «этом благородном, спасительном для черкесов деле» [19].

Честь составления черкесского алфавита принадлежит и русскому ученому И. Грацилевскому в конце 30-х годов XIX столетия. По нему он осуществлял обучение русскому и черкесскому языкам детей военнотружущих-черкесов отдельно взятого горского эскадрона.

Свою лепту в разработку кабардинской письменности внёс адыгский просветитель Ш.Б. Ногмов (1794–1844 годы жизни). Его решение о составлении грамматики адыгского языка возникло под влиянием двух известных академиков – востоковеда Ф. Шармуа и упомянутого нами А. Шегрена, ставшего впоследствии его руководителем и наставником. В качестве рецензента выступил его соотечественник Д.С. Кодзоков.

Свою мечту Ш. Ногмов осуществил в 1840 году, когда представил на суд ученых свой большой научный труд «Начальные правила кабардинской грамматики». В предисловии к своей «Грамматике» автор писал: «Я сделал, сколько мог, и старался сделать сколь можно лучше. Молю Проведение и единого Бога, чтобы явился мне последователь в любви к народному языку..., но последователь более искусный и сведущий...» [20].

Таковой вскоре нашелся. Им стал российский академик Петр Карлович Услар (1816–1876 гг.), который по прибытии на Кавказ поставил цель – создать азбуку для тех горских народов, которые раньше не имели своей письменности, и тем самым «содействовать распространению среди них грамотности и знаний» [21].

Однако справедливости ради заметим, что и до П. Услара предпринимались попытки изучить дагестанские языки. Так, в 1787–1791 годах была издана работа И.А. Гульденштедта «Путешествие через Россию и по кавказским горам», в которой обследованию подверглись аварский и даргинский языки Дагестана. Затем появились работы акад. А. Шифнера «Опыт изучения аварского языка» (в 1862 г.) и Р. Эккерта «Языки кавказского корня» (в 1896 г.) и др. [22]. Однако только Услару удалось рассмотреть во всей широте и глубине проблемы, связанные с фонетикой горских языков. Отмечая его труды в этом направлении, известный кавказовед А.П. Загурский писал, что «главную заслугу Услара составляют его капитальные образцовые труды, открывшие для науки новый лингвистический мир, этими трудами по справедливости может гордиться Россия» [23]. Действительно, научные работы П. Услара имели громадное значение для культурного развития Кавказа, так как с них начинался новый период этнологического и этнографического исследования края.

Ценность научных изысканий П. Услара в том, что при исследовании кавказских языков, он отбирал себе в помощники одаренных горцев, привлекая их к фонетическому анализу горских наречий. В своей Записке «Кавказскому Отделу Русского Географического общества» ученый указывал, что только горцы «единственно могут быть компетентными судьями при изображении звуков, свойственных их языкам» [24].

Так, в Сухуми при помощи сванета Гульбани он усвоил себе сванетскую письменность, в 60-х годах XIX века он совместно с кабардинцами У. Берсеем (1807–1887 гг.) и К.Атажукиным (1841–

1899 г.) создал кабардинский алфавит. Кази Атажукин впоследствии отозвался об этой письменности как «о безукоризненной и удобной для практического её применения» [25]. Не случайно после создания этой азбуки на Кавказе стали издавать учебные книги.

Пользуясь алфавитом, созданным П.К. Усларом для кабардинского языка в 1862–1863 гг., К. Атажукин сам впоследствии усовершенствовал кабардинскую азбуку. Чтобы на практике закрепить достигнутое, в одном из кабардинских аулов просветитель сам вёл преподавание по созданному им букварю.

Не останавливаясь на достигнутом, П. Услар перешел к изучению дагестанских языков. Так, при создании письменности аварского языка он пользовался услугами аварцев: гимназиста Геттинау и преподавателя Тифлисской гимназии Умыкова. Когда он в 1864 году приехал в Темир-Хан-Шуру, то окончательно завершил свой труд по аварскому языку, прибегнув к помощи аварца Айдемира Чиркеевского, ставшего впоследствии известным просветителем.

В 1862 году просветитель на основе начертания русских букв и при деятельном участии чеченцев Янгулбая Хасанова, Тугана Алхазова создает чеченскую письменность, а потом – капитальный труд о чеченском языке. Эти две работы впоследствии были взяты за основу Кеди Досовым и Таштемиром Эльдерхановым при составлении чеченских букварей.

Самостоятельно П.К. Услар в 1861 г. осуществляет лишь исследование абхазского языка и составляет абхазский алфавит, просуществовавший до самого конца XIX века.

В результате своей плодотворной лингвистической деятельности просветитель изучил ряд восточно-горских языков: чеченский, аварский, лакский, хюркилинский, лезгинский, абхазский, кабардинский и на их основе создал алфавиты, которыми долгое время пользовались горцы, что способствовало утверждению среди последних начал светского образования,

Но дело, начатое академиком, не пропало. Ученик П.К. Услара и его последователь, Умар Хапхоевич Берсей (1807–1887 гг.) издаёт черкесский букварь, который увидел свет в Тифлисе в 1855 году. Этот букварь был представлен на рецензирование в Российскую Академию Наук и получил одобрение со стороны академиков-кавказоведов Броссе, Дорна, Шифнера. Хотя азбука У. Берсея была составлена на основе арабской графики, она, по словам, просветителя К. Атажукина, была приспособлена к адыгским наречиям. Однако ученый не останавливается на достигнутом, и в 1861 году он снова составляет азбуку, но на этот раз уже более совершенную. Таким образом, У. Берсей создаёт для своего народа два букваря и грамматику адыгского языка, однако, к сожалению, они не получили у адыгов практического применения. Но как бы то ни было, в итоге своей многогранной просветительской деятельности У. Берсей внёс весомый вклад в письменность адыгских народов.

Заключение

Духовное наследие российских ученых в творческом содружестве с кавказскими просветителями по созданию письменности для северокавказских этносов было огромно. До воссоединения с Российской империей (середина XIX в.) горские народы не имели своей письменной культуры, а пользовались грузинской, арабской, турецкой письменностью, неудобной в применении. Потому у них назрела насущная необходимость в создании своего письма. И в этом деле неоценимую услугу кавказцам оказали представители русской науки. В ходе своей плодотворной историко-лингвистической деятельности они стали изучать многочисленные языки и наречия горцев и на основе русской графики создавать для них алфавиты. Это способствовало утверждению среди кавказцев начал образования, и как следствие этого, появления плеяды кавказских мыслителей, ставших на путь просвещения своих народов.

Примечание:

1. НА СОИГСИ. (Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А). Ф. 17. (Сведения о путешественниках, побывавших на Кавказе). Д. 2. Лл. 1-43.

2. Турчанинов Г.Ф. Появление письменности у кавказских народов // Российская этнография, 2000. № 5. С. 113-117.

3. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе, 1984. С. 14.

4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РФ). Ф. 493. (Общество восстановления православного христианства на Кавказе 1860–1917 гг.). Лл. 17-56.

5. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 234.

6. ЦГА КБР (Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики). Ф. 2 (Управление Кабардинским округом). Оп. 1. Д. 322. Л. 9-11.

7. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. М.-Л., 1941. С. 45.

8. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 231-233.

9. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 231-233.

10. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Тбилиси, 1997. С. 18-23.

11. Тогоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977. С. 232.

12. Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Ордзоникидзе, 1977. С. 234.
13. Леонидова И. Из биографии А.Шегрена // Российская культура. 2004. № 7. С. 14-18.
14. Шегрен А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским. Тифлис, 1844. 154 с.
15. Цаголов Г.М. Одна из задач горской интеллигенции // Казбек. 1903. № 1637. С. 3.
16. Абаев В.И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 27.
17. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 229 (Канцелярия начальника Терской области). Л. 56.
18. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 281-284.
19. Ногмов Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 16.
20. Ногмов Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 16.
21. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. Т.2. С.15
22. Бокарев Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949. С. 7-8.
23. Загурский А.П. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // ЗКОИРГО. Тифлис, 1881. С. 1, 2.
24. Услар П.К. Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. С. 20.
25. Атажукин К. Избранные труды. Нальчик, 1969. С. 131-137.

References:

1. NA SOIGSI. (Scientific archive of the north Osetian institute of humanitarian and social studies im. V.I.Abaeva VNTS RAN Russian Academy of Science of governments RSO-A). F. 17. (Information about the travellers, who visited the Caucasus) d. 2. Ll. 1-43.
2. Turchaninov G.F. Appearance of written language in Caucasian peoples // Russian ethnography, 2000. № 5. S. 113-117.
3. Salagaeva Z.M. From The nuzalskoy inscription to the novel. Ordzhonikidze, 1984. S. 14.
4. Central Public Archive of the republic of Daghestan (TSGA RF). F. 493. (Society of the restoration of orthodox Christianity in Caucasus 1860 - 1917 yr.). Ll. 17-56.
5. Krachkovskiy I.YU. Arab literature in the North Caucasus. M. - L., 1960. T. VI. S. 234.
6. TSGA KBR (central Public Archive Of kabardino-Balkarskoy republic). F. 2 (control of Kabardian region). Pub. 1. D. 322. L. 9-11.
7. Genka A.N. The Arabic language and study of the Caucasus. M. - L., 1941. S. 45.
8. Krachkovskiy I.YU. Arab literature in the North Caucasus. M. - L., 1960. T. VI. S. 231-233.
9. Krachkovskiy I.YU. Arab literature in the North Caucasus. M. - L., 1960. T. VI. S. 231-233.
10. Dzhanashvili M. Proceedings of Georgian chronicles and historians about the North Caucasus and Russia. Tbilisi, 1997. S. 18-23.
11. Totoev M.S. History of Russian- ossetic cultural connections. Ordzhonikidze, 1977. S. 232.
12. Totoev M.S. History of Russian- ossetic cultural connections. Ordzhonikidze, 1977. S. 234.
13. Leonidov I. From the biography Of a.Shegreina // Russian culture. 2004. № 7. S. 14-18.
14. Sjogren A. Ossetic grammar with the brief dictionary osetino-Russian and Russian-ossetic. Tiflis, 1844. 154 s.
15. Tsagolov G.M. One of the tasks of mountain intelligentsia // Kazbek. 1903. № 1637. S. 3.
16. Abaev V.I. Selected transactions: religion, folklore, literature. Vladikavkaz, 1990. S. 27.
17. Central Public Archive of republic North Osetia-Alaniya. F. 229 (office of the chief of Ter region). L. 56.
18. By Khan-weight S. Notes about Cherkesii. Nal'chik, 1978. S. 281-284.
19. Nogmov SH.B. Philological transactions. Nal'chik, 1956. Т. 1. S. 16.
20. Nogmov SH.B. Philological transactions. Nal'chik, 1956. Т. 1. S. 16.
21. Uslar P.K. On the propagation of literacy between the mountaineers // the ethnography of the Caucasus. Tiflis, 1887. Т.2. S.15
22. Bokarev E.A. Brief information about the languages of Daghestan. Makhachkala, 1949. S. 7-8.
23. Zagurskiy A.P. Peter Karlowicz Uslar and his activity in the Caucasus // ZKOIRGO. Tiflis, 1881. S. 1, 2.
24. Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus. Tiflis, 1887. S. 20.
25. Atazhukin k. Selected transactions. Nal'chik, 1969. S. 131-137.

УДК 74.03

**Вклад российских и горских просветителей в становление
письменной культуры на Северном Кавказе**

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация
362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: nadezhda-blejikh@mail.ru

Аннотация. На основе новых архивных и документальных материалов в статье анализируется роль российских и горских просветителей в развитии северокавказской письменной культуры. В ней говорится о том, как в ходе своей плодотворной историко-лингвистической деятельности на Кавказе российские ученые стали изучать многочисленные языки и наречия горцев и на основе русской графики создавать для горских народов алфавиты. Доказывается, что это способствовало утверждению среди кавказцев начал образования, и как следствие – появления плеяды горских мыслителей, ставших на путь просвещения своих народов.

Ключевые слова: горские народы, Северокавказский край, просветители, передовая наука, российские ученые, письменность.